

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман, который вы держите в руках, — кульминация странной и парадоксальной череды событий. Почти ровно за двадцать лет до его выхода в свет Джон Кеннеди Тул поставил свою машину подальше от чужих глаз у городка Билокси, штат Миссисипи, на побережье Мексиканского залива, протянул садовый шланг от выхлопной трубы в заднее окно, сам заперся внутри и закрыл глаза, чтобы не видеть больше тот мир, который обостренно воспринимал и чувствовал, но где, очевидно, был не способен выжить. Случилось это 26 марта 1969 года, а уроженцу Нового Орлеана исполнился всего тридцать один год.

Обстоятельства и совпадения, вообще приведшие к публикации «Неоновой библии», по самой сути своей напоминают викторианский роман: трагическая кончина многообещающего молодого писателя; непреклонная решимость скорбящей матери, чьи вера и преданность наконец оправдались, когда ее обожаемый сын снискал посмертную славу; и последовавшая путаница судебных процессов касаясь наследования и прав на публикацию.

После смерти Джона Тула имущество его оценили в 8000 долларов по адвокатской описи, где не упоминались машинописные копии двух романов. Мать его, Тельма Дюкоин Тул — производное типичной новоорлеанской этнической мешанины из первоначальных франко-креольских поселенцев и ирландских иммигрантов XIX века — в свои шестьдесят семь не только безмерно скорбела, но и вела домашнее хозяйство и заботилась о недееспособном муже. Утрата любого ребенка мучительна для заботливого родителя, но от того, что единственный сын покончил с собой, страдания Тельмы были только сильнее.

«Дорогуша», как его называла Тельма, родился, когда ей исполнилось тридцать семь, а врачи уверяли ее, что детей у нее никогда не будет, и с самого начала ребенок был исключительным. Смышленный, изобретательный, одаренный в музыке и искусстве, Джон пропустил два класса начальной школы, а после учился в Университете Тулейн и магистратуре Колумбии по стипендиям. За два года армейской службы в Пуэрто-Рико он завершил «Сговор остолопов» — неистовый роман-пикареску о Новом Орлеане, городе уникально разнообразном и скорее средиземноморском, нежели американском, более латинском, чем южном. В 1963 году он послал свой труд в издательство «Саймон и Шустер», где рукопись обратила на себя внимание редактора Роберта Готтли-

ба¹. Два года Джон, поощряемый Готтлибом, правил текст, все более и более впадая в уныние, пока наконец не оставил все надежды.

Меж тем он преподавал в новоорлеанском колледже, трудился над диссертацией по английскому языку и жил дома, где его жалованье облегчало финансовые трудности. Отец его был инвалидом по глухоте, а частные уроки красноречия, которыми Тельма много лет дополняла семейный доход, вышли из моды. Всегда довольно сдержанный и даже скрытный, несмотря на свой отчетливый навык мимикрии и насмешливые замечания, которые отпускал о людях и событиях вокруг, Джон мало рассказывал о своей личной жизни. Лишь несколько близких друзей знали, что он писатель, а еще меньше людей — что он посылал роман издателю. В осеннем семестре 1968 года коллеги заметили в нем возросшую паранойю, а в январе 1969 года Джон исчез из колледжа и из дома. Родственники ничего не слышали о нем до того рокового мартовского дня, когда к ним явился полицейский и сообщил, что их сын покончил с собой. Оставил записку, адресованную «Моим родителям», которую его мать прочла, после чего уничтожила.

Для Тельмы недели мучений от неведения, где Джон, теперь растянулись на годы неотступ-

¹ Роберт Готтлиб (р. 1931) — американский писатель, журналист и редактор, впоследствии — главный редактор издательств «Саймон и Шустер» и «Алфред Э. Кнопф» и журнала «Нью-Йоркер».

ного материнского горя из-за его самоубийства. Она чувствовала себя брошенной, даже преданной: сын, которому она посвятила три последних десятилетия, умер, муж обособлен в своей глухоте. Казалось, жизнь замерла на месте, увязла в трясине отчаяния — и тут однажды Тельма наткнулась на рукопись «Сговора остолопов» и обрела новую цель. За этой находкой последовали еще пять лет горя и расстройств: скончался муж, ухудшилось здоровье у нее самой, и еще восемь издателей отклонили роман.

— Мне его возвращали, и я всякий раз по-немножку умирала, — вспоминала она впоследствии.

Что бы ни написал Джон в своей предсмертной записке, Тельма убедила себя, что для ее дорожки жизнь стала невыносима из-за того, что роман отвергли.

В 1976 году она, к счастью, случайно узнала, что в Университете Лойолы курс творческого письма преподает Уокер Перси¹. Однажды она объявилась у него в кабинете, сунула ему в руки роман и театрально объявила:

— Это шедевр.

Сначала, понятно, Перси отнюдь не горел желанием прочесть роман, но на него такое впечатление произвела ее несгибаемая решимость, что он в итоге согласился. В результате Перси

¹ Уокер Перси (1916–1990) — американский писатель, «южный регионалист».

был настолько изумлен и доволен тем, что обнаружил на потрепанных и ветхих страницах, что убедил опубликовать «Сговор остолопов» издательство Университета штата Луизиана. В 1981 году роман получил Пулитцеровскую премию и к настоящему моменту переведен более чем на десять иностранных языков.

Слава пришла к Джону Кеннеди Тулу слишком поздно, но когда гениальность сына Тельмы засвидетельствовали официально, она начала встречаться с людьми и давать интервью. Она устраивала публичные представления, в которых показывала сцены из романа, рассказывала о сыне, играла на фортепиано и пела старые песни — «Солнечную сторону улицы», «Аж в Новом Орлеане», «Иногда я счастлива». Где-нибудь посреди программы она неизбежно объявляла с весьма отчетливым выговором — результатом долгих лет изучения и преподавания ораторского искусства:

— Я хожу по земле за своего сына.

Это стало ее визитной карточкой, ее оправданием за радость и удовлетворение, которые она испытывала из этого отсроченного мига в свете прожекторов.

Как раз когда «Сговор» вышел в свет, в результате цепочки совпадений, какими изобилует история Джона Кеннеди Тула, я подружился с Тельмой. В 1976 году я учился у Уокера Перси на курсе творческого письма и слышал его непосредственные первые впечатления от этой заме-

чательной женщины и замечательного романа ее сына. После того как напечатали мою раннюю рецензию на «Сговор остолопов», Тельма позволила поблагодарить меня за хвалебный отзыв на роман и пригласила навестить ее. Мы выяснили, что живем всего в трех кварталах друг от друга, и как раз когда она выходила из-под тяжелой сени горя, что окутывало ее десять лет, мы с нею встречались раз или два в неделю и разговаривали о литературе, театре, опере, жизни и карьере ее сына и о ее надеждах на экранизацию романа¹. Убористым старомодным почерком она сочиняла многочисленные письма и писала воспоминания о Джоне, а я их перепечатывал. Хотя из дома она выходила редко — при таких вылазках ей требовались ходунки, — одним памятным вечером мы целой группой сопровождали ее в Батон-Руж на премьеру оперетты по мотивам «Сговора». Она была в восторге от спектакля и того внимания, какое уделяли ей режиссер, актеры и публика.

¹ «Сговор остолопов» несколько раз ставили на различных сценах, но роман не экранизирован до сих пор и считается одним из «проклятых» проектов Голливуда. На разных этапах фильм собирались снимать Херолд Рэймис, Джон Уотерз, Стивен Фрай, Дэвид Гордон Грин (по сценарию Стивена Содерберга), а Игнациуса Ж. Райлли должны были играть Джон Белуши, Джон Кэнди, Крис Фарли, Божественная (Хэррис Глен Милстед), Стивен Фрай, Джон Гудмен, Уилл Феррелл и Зак Галифианакис. «Неоновую библию», напротив, в 1995 году снял английский режиссер Теренс Дэвис с американской актрисой Джинной Роулэндс в роли Тети Мэй.

В те же годы она вспомнила о существовании более раннего произведения и в имуществе Джона отыскала отпечатанную на машинке рукопись, озаглавленную «Неоновая библия». Когда Джону исполнилось пятнадцать лет и он только учился водить машину, он пригласил ее прокатиться с ним на шоссе Авиалиния, чтобы посмотреть кое-что забавное. Машину он остановил перед монолитным бетонным зданием и показал на громадную неоновую вывеску в виде раскрытой книги: на одной странице у нее значились слова «Священное Писание», а на другой — «Баптистская церковь Средьгорода». Вместе они посмеялись над такой вульгарной показухой, но мать еще не знала, что в этом знаке он обрел заголовок и вдохновение для своей первой цельной и продолжительной творческой попытки. Приблизительно в то же время он вместе с одноклассником несколько дней гостил у его родни в сельском Миссисипи, где и происходит действие «Неоновой библии».

Когда Тельма предложила опубликовать «Неоновую библию» — «после того, как “Сговору” выпала его толика славы», — юристы напомнили ей, что по луизианскому законодательству (тому же самому кодексу Наполеона¹,

¹ Кодекс Наполеона (1804) — французский гражданский кодекс, разработанный и принятый по инициативе Наполеона Бонапарта, представляет собой масштабную кодификацию гражданского права, изначально состоял из трех (в настоящее время из пяти) книг, содержа-

в каком Стэнли Ковальски наставляет Бланш Дюбуа в «Трамвае «Желание»¹⁾), половина прав принадлежит брату ее супруга и его детям. Перед публикацией «Сговора» они уступили ей свою долю прав на этот роман, но маловероятно, что они откажутся от своей доли, когда речь пойдет о другом возможном бестселлере. Ее возмущенные письма, адресованные губернатору, верховному суду штата и луизианским конгрессменам, проигнорировали, и Тельма наконец — не в силах обойти устарелое и нелогичное наследственное право, со здоровьем, подорванным смертельной болезнью, — приняла мучительно парадоксальное решение: препятствовать выходу в свет того, что она считала еще одним шедевром, созданным ее «дорогушей». Когда она умоляла меня проследить, чтобы ее желание не оказалось нарушено после ее кончины, материнская эмоциональная преданность так меня тронула, что я согласился стать «хранителем» романа, как она это назвала. Незадолго до своей кончины в августе

щих выстроенные по институциональной системе правовые нормы о статусе физических лиц, семейных отношениях, вещах, наследовании и обязательствах. Справедливости ради следует отметить, что во Франции он был принят через год после «покупки Луизианы»; Гражданский кодекс Луизианы разработан на основании не самого Кодекса Наполеона, а его проекта 1800 года и испанского законодательства того времени.

¹ «Трамвай "Желание"» — пьеса американского драматурга Теннесси Уильямса.

1984 года она внесла соответствующие поправки в свое завещание.

Когда мне позвонил адвокат и сообщил, что Тельма скончалась, меня также уведомили, что «Неоновую библию» она завещала мне «в опеку». Пообещав не отступать от ее желаний, сколь бы деспотичными и бескомпромиссными они ни казались другим, последующие три года я не вылезал из судебных тяжб, связанных с исками против ее наследования. Окончательным итогом, конечно, стал крах попыток Тельмы Тул с того света контролировать судьбу первого романа ее сына. В 1987 году новоорлеанский судья вынес постановление о разделе романа, каковой, по сути, сделал бы книгу предметом публичных торгов в случае, если бы тяжущиеся стороны не смогли прийти к согласию. Дабы не допустить подобного скандала, я отказался от защиты пожеланий Тельмы и своего стремления уважать их, и «Неоновая библия» освободилась для публикации.

Роман, который вы сейчас начнете читать, — необычайное произведение автора-подростка, чья жизнь, долженствовавшая быть полной и богатой, завершилась по его собственному выбору — по причинам, которых никто из нас, вероятно, никогда не узнает, через пятнадцать лет после того, как «Неоновая библия» была написана. История его, само собой, вызывает размышления и неотступные вопросы. Были ли у Джона Кеннеди Тула другие работы? Что он

бы мог свершить, проживи подольше? Вопрос о его невоплощенном потенциале, конечно, остается без ответа — как остаются неведомыми одна или несколько причин его столь расточительного самоубийства. Что же до существования других написанных произведений, то когда мы приводили в порядок имущество Тельмы — ее бумаги, бережно хранимые иностранные издания «Сговора остолопов», подарки и сувениры более чем восьми десятилетий жизни, тщательно сбереженные вещи ее сына и его письма к ней, — никаких рукописей мы не нашли, если не считать внушительной поэмы, написанной им в армии, да множества сочинений и экзаменационных работ в период его работы в колледже. Если Джон и писал какую бы то ни было художественную литературу в то десятилетие между «Неоновой библией» и «Сговором остолопов», все это он, должно быть, уничтожил сам, поскольку невозможно представить, чтобы его мать, учитывая ее преданность любому слову и поступку сына и ее убежденность в его гениальности, погубила или потеряла какой бы то ни было документ.

Тем самым наследие Джона Кеннеди Тула сводится к двум блистательным романам, первый из которых — широкая сатирическая панорама современного мира, а второй — чуткое и примечательное изображение очень юным автором клаустрофобного мирка, подавляемого узкой религиозной нетерпимостью. «Нео-

новая библия», написанная тридцать пять лет назад, имеет мощное значение для того мира, в котором разум и терпимость так и не смогли одолеть подобную зашоренность; скорее она только окрепла. Всего два романа, но в широте и глубине своей они свидетельствуют о гениальности.

*У. Кеннет Холдич¹,
Новый Орлеан, Луизиана*

¹ Уильям Кеннет Холдич (р. 1933) — американский преподаватель, литературовед и новоорлеанский краевед, специалист по творчеству Теннесси Уильямса.